

УДК 947.0-057.66 (043)

doi:10.21685/2072-3024-2021-4-11

## Причины роста беспризорности и безнадзорности в СССР в 1940-е гг.

Н. В. Семина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

semina\_n\_v@mail.ru

**Аннотация.** *Актуальность и цели.* Актуальность избранной темы определяется необходимостью изучения причин роста беспризорности и безнадзорности в СССР в 1940-е гг. (военный и послевоенный период), поскольку будущее развитие любого общества во многом определяется его отношением к детям и подросткам. В современных социальных государствах должна быть создана эффективная система социальной защиты всего населения, в первую очередь несовершеннолетних. *Материалы и методы.* Анализируются архивные материалы и результаты исследований причин беспризорности и безнадзорности в отечественной историографии. Особый интерес представляют правовые источники (законодательные акты, декреты и другие официальные акты). Предмет исследования определил использование методологических подходов, основанных на принципах научной системности, объективности и историзма. *Результаты.* Всестороннее исследование явлений и фактов реальной действительности базировалось на объективном и беспристрастном истолковании и оценках. Принцип объективности позволил непредвзято проанализировать причины беспризорности и безнадзорности, разбив их на блоки. Принцип системности помог рассмотреть явления прошлого как элемент единой системы, проанализировать содержание каждого блока данных причин, выделив особенности, и определить их значение в системе борьбы с подобными девиациями. Принцип историзма способствовал исследованию причин беспризорности и безнадзорности в динамике, в конкретной исторической обстановке военного и послевоенного времени. *Выводы.* Великая Отечественная война и сложная обстановка в военное и послевоенное время породили вторую волну беспризорности и безнадзорности в истории нашего государства. Гибель и смерть родителей, голод, трудные бытовые и жилищные условия жизни, эвакуация, репрессии – причины беспризорности и безнадзорности в исследуемый период. К числу причин можно отнести также невозможность содержания и воспитания детей родителями из-за болезни, инвалидности, нужды либо асоциального образа жизни. Кроме того, проанализировав политику СССР в военное и послевоенное время, можно сделать вывод о том, что она осуществлялась с использованием жестких методов (использование принудительного труда) для достижения экономического развития страны, что в определенной степени, конечно, было оправдано в те трудные времена, но в то же время имело и негативные последствия. Также продолжал применяться метод борьбы с «врагами народа». Психолого-педагогическая запущенность несовершеннолетних, романтизация преступного образа жизни также являлись причинами беспризорности и безнадзорности, которые необходимо изучать для борьбы с этими явлениями.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, беспризорность, безнадзорность, преступность, политическое и социально-экономическое положение

**Для цитирования:** Семина Н. В. Причины роста беспризорности и безнадзорности в СССР в 1940-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 127–135. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-11

## Reasons for the homelessness and neglect growth in the USSR in the 1940s

N.V. Semina

Penza State University, Penza, Russia

semina\_n\_v@mail.ru

**Abstract.** *Background.* The relevance of the chosen topic is determined by the need to study the causes of the homelessness and neglect growth in the USSR in the 1940s (the war and post-war period), since the future development of any society is largely determined by its attitude to children and adolescents. In modern social states, an effective system of social protection of the entire population, and first of all, minors, should be created. *Materials and methods.* The article analyzes archival materials and the results of research on the causes of homelessness and neglect in Russian historiography. Legal sources (legislative acts, decrees, and other official acts) are of particular interest. The subject of the study determined the use of methodological approaches based on the principles of scientific consistency, objectivity, and historicism. *Results.* A comprehensive study of the phenomena and facts of real reality was based on an objective and impartial interpretation and evaluation. The principle of objectivity allowed an unbiased analysis of the causes of homelessness and neglect, breaking them into blocks. The principle of consistency helped to consider the phenomena of the past as an element of a single system, to analyze the content of each block of these causes, highlighting the features, and to determine their significance in the system of combating such deviations. The principle of historicism contributed to the study of the causes of homelessness and neglect in the dynamics, in the specific historical situation of the war and post-war period. *Conclusions.* The Great Patriotic War and the difficult situation in the war and post-war period gave rise to the second “wave” of homelessness and neglect in the history of our state. Parents’ death and loss, hunger, difficult living and housing conditions, evacuation, repression—the causes of homelessness and neglect in the study period. The reasons also include the inability to maintain and raise children by their parents due to illness, disability, need, or an antisocial lifestyle. In addition, analyzing the policy of the USSR in the war and post-war period, we can conclude that it was carried out using harsh methods (the use of forced labor) to achieve the economic development of the country, which to a certain extent, of course, was justified in those difficult times, but at the same time had negative consequences. The method of fighting the “enemies of the people” also continued to be used. Psychological and pedagogical neglect of minors, the romanticization of a criminal lifestyle were also the causes of homelessness and neglect, which must be studied to combat these phenomena.

**Keywords:** the Great Patriotic War, homelessness, neglect, crime, political and socio-economic situation

**For citation:** Semina N.V. Reasons for the homelessness and neglect growth in the USSR in the 1940s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;(4):127–135. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-11

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война и вытекающие из условий военного времени особенности социально-экономического и политического развития страны привели к росту безнадзорных и беспризорных детей, да и в целом ухудшили положение детей. Органы власти ставили на учет всех детей, по каким-либо причинам лишившихся родителей. Исследуя архивные документы, можно отметить увеличение числа детей, прошедших через детские приемники-распределители в Среднем Поволжье.

В первый месяц войны почти в три раза по сравнению с довоенным временем (с 292 до 838) возросло число таких детей [1, л. 3, 6].

Массовая военная мобилизация мужского и женского населения также способствовала росту беспризорности и безнадзорности. За годы войны было мобилизовано 29 574 900 человек [2, с. 141]. Инфекционные заболевания, материальная неустроенность обусловили повышение смертности среди взрослого населения, следствием чего стало увеличение осиротевших детей, многие из них, главным образом подростки, в поисках средств пропитания уходили на улицу.

Кроме того, условия войны остро поставили проблему эвакуации мирного населения с территорий, на которых велись военные действия. Так, в Среднем Поволжье по данным на 1 августа 1941 г. Пензенская область приняла 68 145 человек, эвакуированных из прифронтовой полосы и г. Москвы, из которых детей было 52 % (35 400 человек) [3, л. 71]. К началу сентября 1941 г. число эвакуированного населения в Татарской АССР составляло 176 000 человек, из которых 27 % составляли дети [4, с. 78]. Сами эвакуационные мероприятия проходили в трудных условиях, под обстрелами, бомбежками. Родители десятков тысяч детей умирали, так и не добравшись до пункта эвакуации; многие дети просто потерялись в пути во время эвакуации. В результате несовершеннолетние оставались одни, без родителей, без средств к существованию, вели беспризорный образ жизни.

Также одной из политических причин роста беспризорности и безнадзорности являлась политика органов власти в тот период, которая отличалась репрессивными методами, которые, как уже отмечалось, в некоторой степени были оправданы условиями военного времени. Как итог, многие дети, родители которых подверглись репрессиям, также попадали в круг беспризорных.

Еще летом 1940 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», большее число осужденных за нарушение данного акта приходится как раз на 1941–1945 гг. (6 619 322 человека) [5, с. 546].

Кроме того, карательная политика применялась государством и в отношении самих детей и подростков. Так, в последний день мая 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, установивший возраст уголовной ответственности с 14 лет, а за ряд составов преступлений даже с 12 лет (кража, убийство, причинение телесных повреждений, подкладывание на рельсы разных предметов, которые смогли вызвать крушение поездов). В результате многие дети за совершение кражи, например, оказывались в колониях, теряя при этом связь с родителями, лишившись в таком юном возрасте семейного воспитания, попадая под влияние преступного мира.

Когда началась война, государство запретило освобождение лиц из тюрем, колоний, лагерей, в результате чего в данных учреждениях осталось 17 000 заключенных, которые уже отбыли сроки наказания [6, с. 289]. Таким образом, многие родители не вернулись домой, что тоже способствовало распаду семей, сиротству детей.

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. в Поволжском регионе только за три месяца (август – октябрь)

было принудительно переселено 749 613 советских немцев в восточные районы страны, а всего за 1941–1945 гг. – 1 209 430 человек. Так, например, по решению особого заседания Куйбышевского областного совета депутатов было выселено только из Кошнинского района 7025 немцев [7, с. 72].

Росту беспризорности и безнадзорности способствовало и создание трудовых армий. Их формирование началось в сентябре 1941 г., и все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет из числа немцев, венгров, финнов, румын, поляков, латышей, болгар и др. вошли в их состав. Было создано 13 строительных батальонов, численность которых составила 18 600 человек. Впоследствии (начало 1942 г.) еще 120 000 человек из числа немцев-спецпереселенцев, выселенных либо из прифронтовой полосы, либо из Республики немцев Поволжья, были включены в строительные батальоны. Позже мобилизации подлежали и постоянно проживающие немцы из областей, не являвшихся прифронтовыми, а это еще 40 870 человек, пополнивших строительные батальоны [6, с. 281]. С осени 1942 г. в число мобилизованных должны были входить мужчины уже с 15 до 55 лет, а также женщины с 16 до 45 лет. В результате дети (от 3 до 16 лет) либо оставались с родственниками, которые не были мобилизованы, либо были направлены в детские дома.

24 июня 1942 г. Государственный комитет обороны принял Постановление «О членах семей изменников родины», которое предписывало арестовывать и выселять родителей, супругов, детей, братьев и сестер лиц, которые были приговорены к смертной казни за попытку измене или измену Родине, а именно: переход на сторону врага, любую помощь немецким захватчикам, шпионаж в пользу фашистской Германии и других воюющих с СССР стран, службу в административных или карательных органах немцев на занимаемой ими территории. Так вот совершеннолетние родственники таких лиц подлежали высылке на срок до 5 лет, а несовершеннолетние дети подобных семей получали статус детей-сирот и должны были содержаться в исправительно-трудовых лагерях и колониях. Также, начиная с октября 1942 г., совершеннолетние члены семей лиц, осужденных к смертной казни за дезертирство из армии, были приравнены к членам семей изменников Отечества [8, с. 439].

Социально-экономическая нестабильность также провоцировала увеличение числа детей-беспризорников. Промышленность, сельское хозяйство работали для фронта, обеспечивая его потребности, а по окончании войны все силы были направлены на восстановление народного хозяйства. Из-за этого все совершеннолетние лица подлежали трудовой мобилизации. С 22 июня 1941 г. по 1 августа 1941 г. в Среднем Поволжье только в Куйбышевской области были мобилизованы на промышленные предприятия и транспорт более 4200 женщин; 6045 – вошли в народное ополчение; 3968 – стали санитарными дружинницами [7, с. 68]. Безусловно, в условиях военного времени это была вынужденная мера, но все же она отрицательно повлияла на оставшихся дома детей. Родители работали с утра до ночи, а дети были оставлены без присмотра, занимались собой самостоятельно.

Голод в военные и послевоенные годы являлся еще одной причиной беспризорности и безнадзорности. Он усиливал и так сложные материальные условия жизни большей части населения. Родители не могли обеспечить своих детей самым необходимым: питанием, одеждой, обувью. Тяжелее всего приходилось неполным и многодетным семьям. Дети болели дистрофией и

были истощены из-за недоедания [9, л. 383]. Дети и подростки уходили из дома в поисках еды, бежали в более благополучные регионы страны. По этим же причинам увеличивалось и количество детей, бежавших из детских домов, ремесленных училищ, мест трудоустройства. Отрицательно влияло и ослабление внешкольной работы, ставшее следствием перегрузки учителей, в стране ощущалась острая нехватка квалифицированных педагогических кадров. Ослабление воспитательной и внешкольной работы объясняется еще и тем, что многие учителя голодали и не имели физических сил на проведение культурных мероприятий. Так, в докладе Наркому просвещения РСФСР В. П. Потемкину говорилось, что в Куйбышевской и Пензенской областях учителя сельской местности получают всего по 400 г хлеба в день [10, л. 116].

Кроме того, прием и пребывание несовершеннолетних в детских домах возможны были только до достижения ребенком возраста 14 лет, потом их должны были передавать под патронаж [11, л. 15]. Патронируемым полагалось денежное пособие в размере 50 руб. в месяц [12, л. 4, 5]. Но этих денег не хватало даже на продукты первой необходимости, да и выплачивалось пособие несвоевременно. Например, из архивных материалов, содержащих воспоминания воспитанников Сердобского детского дома № 1, известно, что по выходу из детского дома они должны были быть направлены в артель, но работы там не было. Более того, деньги, которые им должны были выдать по окончании пребывания в детском доме, они так и не получили. У них не было ни постельного белья, ни обуви, да и спали они на полу. Им выдавали 80 руб. на 13 дней на 4 человек [11, л. 80].

Подростки, обучающиеся в сельскохозяйственных, ремесленных, железнодорожных училищах, часто не выдерживали производственные нагрузки, отсутствие элементарных условий для жизни. Учебные помещения были не приспособленными для ведения учебного процесса, отсутствовало необходимое оборудование. Подростки не выдерживали таких условий, поэтому побеги стали массовым явлением. Детей не останавливало даже строгое наказание, установленное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» [13, л. 151]. За самовольный уход предусматривалось помещение в трудовые колонии на срок до одного года.

В 1946–1947 гг. голод охватил всю страну. За хищение хлеба в этот период были осуждены около 400 тыс. человек, что привело к еще большему увеличению числа заключенных в советских лагерях [14, с. 23].

Плохие условия жизни были во многих семьях, поэтому взрослые, которым дети передавались на воспитание, в силу объективных причин не могли, также как и детские учреждения, обеспечить их необходимым питанием и одеждой. Так, согласно архивным данным, на начало 1947 г. в Пензенской области из 9862 детей, оставшихся без попечения родителей, 6734 ребенка находились в приемных семьях [12, л. 5]. Но их положение было не лучше того, в котором находились несовершеннолетние, находящиеся на воспитании в детских домах. Дети убегали из приемных семей сами, чтобы найти пропитание, либо, наоборот, приемные семьи их бросали, сдавали в детские учреждения, так как не могли обеспечить своих родных детей, не говоря уже о приемных. К осени 1946 г. в детских приемниках-распределителях выросло

число детей из сельских местностей: первый квартал 1946 г. – 54 436 детей, третий квартал – 103 923 ребенка [15, с. 128]. Детские дома также были переполнены. Например, в Пензенской области уже на начало февраля 1947 г. в детских учреждениях находилось 3345 детей при количестве мест в 3260 [12, л. 9].

Материальное обеспечение детских учреждений, учебный и воспитательный процесс, отношение воспитателей к детям оставляло желать лучшего. Не было мебели, одежды, дети голодали [12, л. 15]. Дети старшего возраста издевались над младшими, кроме того, дети терпели унижения и со стороны воспитателей. В архивных документах описываются случаи побоев, даже сексуальных домогательств. На содержание воспитанников в день должно было тратиться в среднем 19 руб. 48 коп., а фактически расходовалось 13 руб. 31 коп. [16, с. 85–87]. Работники детских учреждений часто были замечены в хищении продуктов, одежды, денег, которые были выделены государством на детей.

Трудная демографическая ситуация после войны привела к увеличению числа матерей-одиночек, которые не могли обеспечить своих детей. Кроме того, отцы и вовсе освобождались от ответственности за своих внебрачных детей.

4 июня 1947 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который увеличил срок наказания за воровство до 7 лет [17, с. 299–300]. Так, в августе 1948 г. в местах лишения свободы находилось 24 369 женщин с детьми и беременных, в лагерных домах младенца содержалось 16 624 ребенка [15, с. 130]. Директива МВД СССР 1946 г. предписывала лишение детей-спецпереселенцев возможности проживания с родственниками в случае смерти или ссылки своих родителей.

Проблема миграции детей была актуальной и в годы войны, и в послевоенное время. Перемещения несовершеннолетних из одних районов страны в другие были связаны как с тем, что дети вынуждены были искать средства пропитания, так и с поиском родственников, которые потерялись во время эвакуации, а с освобождением территорий от немецких оккупантов число таких несовершеннолетних сильно возросло. По данным органов просвещения, за первые два года войны связь с родными потеряли около 200 тыс. детей, многие стали сиротами. Так, например, из 3060 детей, находившихся в детских домах Пензенской области, 2112 детей были сиротами, 1350 – дети погибших воинов (данные на конец марта 1947 г.) [12, л. 64].

Таким образом, после окончания войны число несовершеннолетних, которые были сняты с железнодорожного и водного транспорта, несколько увеличилось.

Кроме того, не последнее значение имел еще один блок причин роста беспризорности и безнадзорности: психологические причины. Так, на протяжении всей жизни человек усваивает определенные социальные нормы и ценности, реализует свои способности, развивается. Особенно трудно социализация идет в период с 12 по 19 лет. В этом возрасте человеку свойственно особое стремление выделиться в обществе, получить свой социальный статус. При этом несовершеннолетний может использовать для этого различные

способы и средства: легальные и нелегальные, от выбора которых будет зависеть результат самореализации. Поэтому важно, какие люди, институты будут способствовать социализации подростка, в каких социальных условиях будет протекать этот процесс. Для положительной самореализации несовершеннолетнего необходимы благоприятные условия: наличие семьи, хорошего окружения, материального достатка и др. Естественно, в исследуемый период большинство детей находились в других обстоятельствах. Они не имели возможности удовлетворения даже первичных потребностей, не говоря уже о социальных и духовных. Неудачные попытки самореализации не редко толкали подростков на выбор отклоняющихся форм поведения: антисоциального образа жизни, воровства. Подросток усваивал нормы той группы, в которой он находился, считая их общественной нормой. «В дворовой жизни среди подростков был модным этакий симбиоз урки и прибалтненного матросика» [18, с. 94].

Таким образом, в годы войны и послевоенное время в атмосфере трудной экономической ситуации, социально-бытовой неустроенности масштабы таких явлений, как беспризорность и безнадзорность, увеличились. Несовершеннолетние, разлученные с родственниками, потерявшие дом, лишённые воспитания и содержания со стороны взрослых, оказались на улице, нелегально перемещались по стране, занимались попрошайничеством, совершали преступления. Причинами беспризорности и безнадзорности тогда были следующие: смерть родителей, других близких родственников или их гибель в результате войны 1941–1945 гг., репрессии, голод и плохие экономические условия, разрушение или эвакуация детских учреждений.

### Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9412. Оп. 1. Д. 1.
2. Славко А. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в России 1917–1952 годов : монография. Сыктывкар : Изд-во КРАГСиУ, 2009. 419 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2038. Оп. 1. Д. 496.
4. Гильманов З. И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань : Татарское книжное изд-во, 1977. 296 с.
5. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. : собр. док. : в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 728 с.
6. Кокурин А. И., Петров Н. В. Гулаг. Главное управление лагерей. 1918–1960. М. : МФД, 2002. 885 с. (Россия XX век. Документы).
7. Годы и события: хроника (к 150-летию Самарской губернии) : в 2 т. Т. 2 (1921–2000 гг.) / сост. В. М. Гришина. Самара, 2000. 386 с.
8. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е. А. Зайцев. М. : Республика, 1993. 224 с.
9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94.
10. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2977.
11. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 458.
12. ГАПО. Ф. Р. 1381. Оп. 1. Д. 845.
13. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 42.
14. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 23.
15. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.

16. Зезина М. Р. Без семьи: Сироты послевоенной поры // Родина. 2001. № 9. С. 82–87.
17. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. / сост.: О. И. Чистяков, Г. А. Кутыина. М. : Юрайт, 2019. 520 с.
18. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 : монография. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.

### References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 9412. Op. 1. D. 1 = State Archive of the Russian Federation. Fund 9412. Item 1. File 1. (In Russ.)
2. Slavko A.A. Bor'ba s detskoy besprizornost'yu i beznadzornost'yu v Rossii 1917–1952 godov: monografiya = Struggle with children's homelessness and neglect in Russia 1917–1952: monograph. Syktyvkar: Izd-vo KRAGSiU, 2009:419. (In Russ.)
3. Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO). F. 2038. Op. 1. D. 496 = State Archive of Penza region. Fund 2038. Item 1. File 496. (In Russ.)
4. Gil'manov Z.I. Tatarskaya ASSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. = Tatar ASSR in the Great Patriotic War of 1941–1945. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1977:296. (In Russ.)
5. Istoriya stalinskogo GULAGa: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh gg.: sobr. dok.: v 7 t. T. 1. Massovye repressii v SSSR = History of the Stalin's Gulag: the late 1920s – the first half of the 1950s: in 7 volumes. Volume 1. Mass repression in the USSR. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2004:728. (In Russ.)
6. Kokurin A.I., Petrov N.V. Gulag. Glavnoe upravlenie lagerey. 1918–1960 = Gulag. The main department of the camps. 1918–1960. Moscow: MFD, 2002:885. (Russia XX century. The documents). (In Russ.)
7. Grishina V.M. (comp.). Gody i sobytiya: khronika (k 150-letiyu Samarskoy gubernii): v 2 t. T. 2 (1921–2000 gg.) = Years and events: chronicle (to the 150<sup>th</sup> anniversary of the Samara province): in 2 volumes. Volume 2 (1921–2000). Samara, 2000:386. (In Russ.)
8. Zaytsev E.A. (comp.). Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy = Collection of laws and regulations on repression and rehabilitation of victims of political repression. Moscow: Respublika, 1993:224. (In Russ.)
9. GARF. F. 9401. Op. 2. D. 94 = State Archive of the Russian Federation. Fund 9401. Item 2. File 94. (In Russ.)
10. GARF. F. 2306. Op. 69. D. 2977 = State Archive of the Russian Federation. Fund 2306. Item 69. File 2977. (In Russ.)
11. GAPO. F. R. 1381. Op. 1. D. 458 = State Archive of Penza region. Fund R 1381. Item 1. File 458. (In Russ.)
12. GAPO. F. R. 1381. Op. 1. D. 845 = State Archive of Penza region. Fund R 1381. Item 1. File 845. (In Russ.)
13. GARF. F. 7523. Op. 4. D. 42 = State Archive of the Russian Federation. Fund 7523. Item 4. File 42. (In Russ.)
14. Zemskov V.N. GULAG (historical and sociological aspect). Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches. 1991;(6):23. (In Russ.)
15. Zezina M.R. Social protection of orphans in the postwar years (1945–1955). Voprosy istorii = Historical issues. 1999;(1):127–136. (In Russ.)
16. Zezina M.R. Without a family: Orphans of the post-war period. Rodina = Motherland. 2001;(9):82–87. (In Russ.)
17. Chistyakov O.I., Kut'ina G.A. (comp.). Khrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava. 1917–1991 gg. = A reader on the history of the domestic state and law. 1917–1991. Moscow: Yurayt, 2019:520. (In Russ.)



18. Zubkova E.Yu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953: monografiya* = *Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953: monograph*. Moscow: ROSSPEN, 1999:229. (In Russ.)

**Информация об авторах / Information about the authors**

***Наталья Викторовна Семина***

кандидат исторических наук, доцент,  
доцент кафедры всеобщей истории  
и обществознания, Пензенский  
государственный университет  
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: semina\_n\_v@mail.ru

***Natalya V. Semina***

Candidate of historical sciences, associate  
professor, associate professor of the  
sub-department of general history and social  
studies, Penza State University  
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.**

**Поступила в редакцию / Received 14.05.2021**

**Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.07.2021**

**Принята к публикации / Accepted 09.09.2021**